

А.Н. Афанасьев

Народные русские легенды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А94

А94 **Афанасьев А.Н.**
Народные русские легенды / А.Н. Афанасьев – М.: Книга по Требованию,
2014. – 236 с.

ISBN 978-5-518-00533-4

ISBN 978-5-518-00533-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Если они и уцѣляли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ мнѳовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отинула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужисъ* затыкаетъ эту дыру своей головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ.)

б) Въ старину незапамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самаго верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и давай онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: «чтобъ ты пропала, окаянная рожь!» Другая: «чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту!» Третья: «чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгнѣванный ихъ перазумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоятъ да смотрять. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ—сухощавой и щедушной, тогда *собаки* стали молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперь видимъ ¹⁾. — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Быль-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашель житное зерно величиной съ воробышное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали взыскать такого челоувѣка изъ старыхъ людей, которой могъ бы про то сказать. Искали-искали, и нашли старика — едва ходитъ о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито и кто пожиналъ? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ; та-

---

¹⁾ Терещенко: Быль русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у вѣмцевъ: см. Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 194 («Die Kornähre»). Г. Терещенко сообщаетъ еще два преданія о *пчель* [‡] (ч. V, стр. 46—47).

кого жита я не сѣвалъ и не знаю; можетъ, отецъ мой поминтъ. Послали за отцомъ, привели къ царю объ одномъ костылѣ. Спросили о зернѣ; онъ тожъ говоритъ: «я не сѣвалъ и не пожиналъ; а есть у меня батюшка, у котораго видѣлъ такое зерно въ житницѣ». Послали за третьимъ старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костылѣ, безъ вожатыхъ. Началъ его царь спрашивать: «къмъ это жито сѣяно»? — Я его сѣялъ, я и пожиналъ, сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперь у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: «скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» «Оттого, сказала старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владѣлъ, чужимъ не кормывался». (Записано въ архангельской губерніи.)

с) Ивановской свѣтащійся жукъ *керсница* (*kersnica*)¹⁾ пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. ¹⁾

d) Когда архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искунитель, — она сказала, что готова повѣрить истиннѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съедена, снова оживетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это однобокая *камбала*. Такое сказаніе живетъ между русскими поселянами²⁾; между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряють, будто кам-

¹⁾ Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

²⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

бала потому съ однимъ глазомъ и паружностью своею походить на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду ¹⁾: знакъ, что древне-языческое преданіе получило у насъ подъ вліяніемъ христіанства и другой смыслъ, и другую обстановку.

е) Когда родился Христосъ и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая *лошадь* всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала убѣжище Спасителя; а *волъ* не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ. ²⁾

ф) У моряковъ есть повѣрье, будто два черныя пятна, видимыя на жабрахъ *трески*, произошли отъ того, что апостоль Петръ взялъ ее двумя пальцами, когда вынималъ изо рта рыбы монету для уплаты подати. ³⁾

г) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: «если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?» — *Свинья* съ тремя поросятами, отвѣчалъ Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-

---

¹⁾ Сынъ Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.

²⁾ Записано въ харьковской губерніи.

³⁾ Московск. Вѣдомости 1858 г., № 87.

подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свиными. ¹⁾

h) *Медвѣдь*, говорятъ поселяне, былъ прежде чело-вѣкомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину страствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ сказали: «щобъ же вы ривили отнынѣ и до вика!» Съ той самой поры и етали они медвѣдями.

Такой разсказъ можно услышать отъ поселянъ харьковской губернии; въ херсонскомъ уѣздѣ онъ передается нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблю и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулю*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣдя и кукушку.

i) Въ Норвегii существуетъ разсказъ о превращенii одной женщины въ *дятла* (Norweg. *Volksmärchen*, № 2):

Христось, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготавлиала хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдѣлила для странниковъ

---

¹⁾ Записано въ херсонской губернии г. В. Негрескуломъ.

небольшой кусокъ теста, и только стала мѣсить его — какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромнымъ хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отдѣлила для нихъ небольшой кусокъ теста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестоко-сердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствуетъ мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel. ¹⁾

Русскіе поселяне также рассказываютъ о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-пить! «Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ идти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онѣ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная — нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надѣдая людямъ, жалобно проситъ пить, пить!» ²⁾

¹⁾ Подъ этимъ именемъ въ Норвегіи разумеется *rothhaubichte Schwarzspecht*.

²⁾ Терещенко: Быть русск. народа, ч. V, стр. 47.

к) Когда жида преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ. Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ искливымъ чирикашемъ; жида увидали Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклялъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ разсказъ записанъ въ харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ гредали Христа на распятіе, воробьи непрерывно кричали: живъ-живъ! живъ-живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чирикали: умеръ, умеръ! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастье, убить ее считается за великой грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробѣе разсказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вьетъ въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать. ¹⁾

1) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидала жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: «тогда онъ воскреснетъ, когда

---

¹⁾ Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Дая, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвины стараются топить печи до зари, чтобы воробьи не видали выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ птица эта сильно повредитъ крестьянскимъ посявамъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95.)

XIV

этотъ жареный каплунъ полетитъ и запоетъ!» И въ ту же минуту жареный *птыухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: кукуреку! ¹⁾

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлой рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пылливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гумманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастью, вложенное въ чловѣка уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердіи къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесся Христось на небеса,
Расплакалась нищая братія,
Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и хромые:
«Ужь ты истинный Христось, царь небесный!

---

¹⁾ Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народн. поэзіи, стр. 85.

Чѣмъ мы будемъ бѣдные питаться?
 Чѣмъ мы будемъ бѣдные одѣваться, обуваться?»
 — Не плачте вы, бѣдные, убогіе!
 Дамъ я вамъ гору да золотую,
 Дамъ я вамъ рѣку да медвяную...
 Тутъ возговоритъ Иванъ да Богословець:
 «Вѣдь ты, петлиный Христось да царь небесный!
 Не давай ты имъ горы золотыя,
 Не давай ты имъ рѣки медвяныя;
 Сильные-богатые отнимуть:
 Много тутъ будетъ убійства,
 Тутъ много будетъ кровопролитья.
 Ты дай имъ свое святое имя;
 Тебя будутъ поминати,
 Тебя будутъ велпчати:
 Будутъ они сыты да я пьяны ¹⁾,
 Будутъ и обуты, и одѣты».
 Тутъ возговорилъ Христось да царь небесный:
 «Ты Иванъ да Богословець,
 Ты Иванъ да Злотоустой!
 Ты умѣлъ слово сказати,
 Умѣлъ слово разсудити»... ²⁾

По народнымъ сказаніямъ, Спаситель вмѣстѣ съ апо-
 столами и теперь, какъ нѣкогда — во время земной
 своей жизни, ходитъ по землѣ, принимая на себя
 страннической видъ убогаго; испытывая людское милосер-
 діе, онъ наказуетъ жестокосердыхъ, жадныхъ и ску-

---

¹⁾ Т. е. будутъ напоены, не будутъ мучиться жаждою, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется.

²⁾ За сообщеніе этого прекраснаго стиха приписимъ благодарность П. А. Безсовову.

пыхъ и награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. ¹⁾ Это убѣжденіе, проникнутое чистѣйшимъ нравственнымъ характеромъ, основано на томъ, что Спаситель о дѣлахъ любви и милосердія къ нищей братіи проповѣдалъ, какъ о дѣлахъ любви и милосердія къ нему самому: «Речеть Царь⁹ сущымъ одесную его: прїидите благословеніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо — и дасте ми ясти, возжадахся — и напоите мя, странень бѣхъ — и введосте мене, нагъ — и одѣясте мя, боленъ — и посѣтитесте мене, въ темницѣ бѣхъ — и прїидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда ты видѣхомъ алчуща — и напитахомъ, или жаждуща — и напоихомъ, когда же ты видѣхомъ странна — и введохомъ, или нага — и одѣяхомъ, когда же ты видѣхомъ боляща или въ темницѣ — и прїидохомъ къ тебѣ? И отвѣщавъ Царь речеть имъ: аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ — мнѣ сотвористе». (Еванг. отъ Матвѣя, гл. XXV, ст. 34 — 40).

Въ настоящемъ сборникѣ довольно приведено народныхъ разсказовъ, въ которыхъ Христосъ является испытующимъ людскія сердца странникомъ, и поэтическое достоинство которыхъ также истинно и цѣльно, какъ и нравственное. Подобные разсказы живутъ и между другими славянскими и германскими племенами. Представляемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе интересные, въ переводѣ:

---

¹⁾ Особенно дни отъ Пасхи и до Вознесенія почитаются временемъ такихъ страствованій Спасителя. (Русск. Бесѣда 1856 г., № 1, статья Максимовича, стр. 78.)